

Автор: Сергей Жариков

Другие статьи автора >>>

БАШЛАЧЁВ. БРЕМЯ КОЛОКОЛЬЧИКОВ

Сегодня, когда русский рок 80-х уже получил в сознании масс статус «классического», нелишне вспомнить обстановку тех лет и попытаться восстановить пейзаж позднесоветского разложения. Определив жанр этой отрывки межклановой пенсионерской разборки выдающихся деятелей цэкакапээсэс на предмет устройства бесконечно разрастающейся челяди в прекрасном новом мире «капиталистического» завтра на примере гениальных холопов того времени, - с лёгкой руки поэта-песенника из Дипарпел, названных «чайлдами ин тайма», - можно и догадаться. Догадаться, чтобы помалкивать: уж слишком часто следствия опережают причины.

Некто А. Башлачёв появился в Москве типа в 1984 году. Немногочисленное столичное подполье пас тогда историк И.Смирнов со товарищи, организовывал квартирники и изящно тусовался в лёгком флэре «демократических» ценностей. С подачи Троицкого – другого историка, которого все страшно боялись за его виртуозное владение комсомольской демагогией и совершенно очевидную нелюбовь к року и, тем не менее, именно с его подачи Башлачёв стал частым гостем засранных флэтов золотой советской молодёжи. Именно на одной из таких «точек» – в девятиэтажке у метро «Новокузнецкая» - я впервые услышал будущую легенду русского рока.

Надо признаться, мои вкусы сформировались в начале 70-х, когда любителей Высоцкого называли гопниками, а Окуджавой считали одну из ведущих комсомольской радиостанции «Юность». Что касается «известного критика», то он жил тогда в Чехословакии с папой и мамой, и совершенно под другой фамилией плавал в дипломатическом шоколаде. Другими словами, мнение человека, мало понимавшего в нашей рок-музыке, но с настойчивостью косящего от армии проталкивающего во все ровесники паруртройку симпатичных ему маргиналов, наводило – да-да, наводило таки на размышления. И подозрения со стороны одинакового.

Александр Башлачев, точнее, «Саша» Башлачев – классический бард. Он пел, аккомпанируя себе на гитаре и звеня, намотанными на правую руку, маленькими колокольчиками. Его музыкально незамысловатые песни можно было разделить на три категории: «шуточные» под Высоцкого, «прикольные» под Науменко и «лирику» из провинциально-патриотических клише. Блатные ходы по блатным гармониям, но с неподдельным, потрясающим драйвом в подаче. Внешне это напоминало молодого Высоцкого. Атмосфера подобных застольных концертов ныне хорошо передана кинокопеечным Сорокиным в мизансцене «про Володю», но в Башлачёве присутствовала какая-то породистая составляющая, никак не позволявшая ставить его рядом с микрофонно-гитарными квазимодо 60-х. Мы познакомились, и он часто приезжал ко мне в гости типа книжки почитать за свежими номерами моего самиздатовского «Сморчка».

Одним из ключевых азимутов околосмирновской тусы была квартира Трубецкого на 15-й Парковой, примечательная ещё тем, что соседом Трубецких был Великий Кинчев. Да, тот самый Православный Алис Костя, которого никак не признавала золотая моя столица, дорогая моя Москва. Кроме поистине легендарной кугочки – Тоньки Крыловой (известная в узких кругах организаторша подпольных московских рок-концертов), там вечно ночевал основатель «Кина» Рыбин (нет, не из галимой «Дюны», а настоящий); гениальный контратенор Вишня там строил свои грандиозные планы на будущее (ставшее, увы, настоящим в рекламе разнообразного думского чма), а околмузыкальные легенды русского рока подсчитывали там навар с очередных подпольных сейшенов. Однажды я привёз туда и Башлачёва.

Спустя промтайм пива и рассуждений на тему «место художника в социалистическом обществе» компанийский и корпоративный Кинчев свозил того в Ленинград, и промосковский антисоветчик Фиря (Сергей Фирсов) стал тут же тусовать Башлачёва по роскошным клоакам Северопальмиры. Включая баб.

Москвичи всегда считали Ленинград глухой провинцией, а творчество питерцев – конвертацией западного фаст-фуда в нетленки для лохов. Утверждение, конечно же, спорное, но то – в Питере. А вот в Москве – там, где сейчас покоится соловецко-лубянский демократический камень, находился легендарный московский виниловый толчок, интересный тем, что весь район вокруг Лубянки был мёртвой зоной для московских ментов. Вот почему, - хотя и звучит это, в общем-то, эффектно, - никто никогда никого не вязал за битлов, как повадились утверждать сегодня, ходившие тогда под стол, Красный Критик и его клоны. Московские стилиаги были всегда «в курсах», а потому видели в питерских зоопарках и аквариумах пошлых плагиаторов и самопальных перелицовщиков западного сэкондхенда по типу «келлорива-толстокарлсон» поющих же гитар. Нет, последние не котировались, увы. «Группу «Смоки» мы лучше послушаем в оригинале», - написала какая-то местная газета о гастроях Ю. Антонова в Болгарии. Но это было позже, когда, почему-то ассоциировавшийся всегда с Ленинградом, автор «Крыши дома» к середине 80-х в сознании меломанов превратился уже в устойчивого панка... Разумеется, это нельзя назвать культурным противостоянием городов. Это всего лишь противостояние

амбиций, которые, собственно и получили псевдонимы – «московский» либо «ленинградский», поскольку (на самом деле!) в Москве столько же ленинградского, сколько в Питере московского.

Для чего я это? Это я для того, чтобы показать тягу провинциальных музыкантов именно к Питеру, как своеобразной виртуальной карьерной нише, где – с одной стороны – спрос опережал предложение, а с другой – в условиях достаточно слабых аутентичных рок-традиций – имела прямая возможность повышения собственного статуса и выхода за рамки, так позорно и беспонтово кисло, обозначенные опостылевшим провинциальным ярлыком. Гребенщиков – прекрасный певец и проникновенный исполнитель, а Троицкому, – который, наверное, был единственный, кто слушал всю эту «музыку», – действительно удалось создать оперативное прикрытие номенклатурной своре, и – тем не менее.

В ордена Ленина ленинградском городе на Неве имени Ленина Башлачёв оказался в окружении всё той же тусовки, хотя аквариумисты встретили нашего героя не очень дружелюбно. Но это в Москве есть чье-то «мнение», на которое всем наплевать, – в Питере это уже «есть мнение», и административные оргвыводы не заставили себя долго ждать. Несмотря на то, что Ленинград всегда считался художественной меккой и партийной творческой лабораторией для советской рабочей интеллигенции, Башлачёву чуть ли не официально была определена участь городского маргинала. Смешно говорить, но в режиме железного занавеса Прибалтике с Ленинградом власти десятилетиями отводили роль КПЗ для носителей мировой культуры и ее артефактов, но потом стало еще смешнее, когда с падением этой металлической конструкции сама собой отвяла и почётная роль вместе с выпадом в осадок не менее смехотворной Прибалтики. Вы станете опять смеяться, но тогда мнение БГ было действительно равнозначно мнению

Бога.

И наоборот. Например: основатель «Алисы» тов. Задерий приехал как-то в столицу записывать свой альбом. Дело было на квартире писателя Васильева, где группа сразу же по приезду (и с устатку) творчески нажралась. На второй день группа творчески нажралась тоже. И на третий день – та же самая история. Васильев звонит мне на предмет хочу ли я Терри, которая уже устала жрать со своей группой. «Не бабий лён», – сказал я ему, что в переводе с английского значит, типа, «любовь не купишь». Но есть же такое понятие, как «дружба», вдруг подумал я, – и почему бы мне не записать ещё один альбом «ДК» с классной, но уставшей от бессмысленного выжиралова ленинградской певицей? Я приезжаю к Васильеву, и мы за пару часов записываем на 4-х канальный, купленный у Тухманова Sony, голос действительно талантливой и немного взбалмошной ленинградской панкерши.

Это был холодный зимний вечер, когда в самый разгар записи к нам заявился «человек от Агеева» и сказал, что у Башлачёва умер ребёнок, что он сейчас в Москве, что он у Агеева (буквально 5 остановок на трамвае от Васильева), и что срочно нужен журавль для микрофона: Башлачёв наконец-то решил записать несколько своих песен.

Я тотчас понял, что долгие мои разговоры с ним стали приносить плоды. Я никогда не был поклонником Башлачёва, как и авторской песни вообще. Но неприятие его Ленинградом было, мягко говоря, неадекватно. Гаккель и по сей день не видит в Башлачёве ничего интересного, но это, по крайней мере, честно. Я же видел в Башлачёве гениального носителя провинциального архетипа, больше того, Башлачёву удалось вербально оформить его в достаточно ясный дискурс, и неудивительно поэтому, что именно на нём так мощно коротнуло провинциальных питерских бонз. Да, это я его грузил «Россией», как впрочем, и его хорошего друга Константина Кинчева...

Оба они показались мне открытыми, честными, ищущими людьми, и я до сих пор остаюсь верным собственному первому впечатлению. Но Костя был москвичом, рок-музыкантом с достаточно продолжительной музыкальной практикой («доалисной», о которой он не любит вспоминать); мы принадлежали одной культуре и разговаривали с ним на одном языке, короче, он мне был понятен. Башлачев, наоборот, казался провинциальным эпигоном Высоцкого (и Науменко, заодно), но его драйв цеплял отнюдь не фольклорными, а персональными, личностными, экзистенциальными «крючками». С другой стороны, его творчество вряд ли можно отнести к рок-музыке, и многие справедливо не чувствовали в камерности подобного рода милого сердцу «индустриального» драйва.

И в Питере были тогда вполне «московские» «Джунгли» и «Телевизор». Однако сам по себе феномен русского рока сложился на стыке фанка и качественного текста. То есть именно «русский» (а не «советский»!) рок можно описать, как виртуозно оформленный вербально, экзистенциальный драйв «неправильного». И не случайно, поэтому, русскую рок-революцию сделали поэты, а не музыканты. В

общем, стратегия кураторов Смирнова-Троицкого была верной. «Профессионалы» 70-х отстали безнадежно. Они так и не смогли внятно отформатировать собственный мессидж, - дискурсивный ряд их художественных жестов был до абсурда эксцентричен: кабаки, ВИА, свадьбы-жмурики... Всерьез потащить продвинутую советскую молодёжь веселить сапоговых марух и авторитетов гастрономических подсобок? Рождённый лопать бухать не может: Максим Горький русского рока спокойно мог воспользоваться прикидом страстного переводчика Леконта де Лиля, и я посоветовал тогда Башлачёву стать вербальным певцом «третьей столицы», отчётливо позиционировать себя в провинциальном контексте.

Кто бы мог тогда подумать, но русский рок пошёл путём Дорз, а не дымился смоком он зевотер над вербальной пропастью, как снилось тогда поколению лабухов 70-х, куда, кстати, можно приписать и москвича Кинчева, с его небольшим, но полезным опытом дрыганий в аутентичный московский рокешник.

Кинчев с Башлачёвым были явные кореша. Своей деликатностью немного застенчивый Кинчев напоминал Летовского Егора. Это тип русского художника-экзистенциалиста, как бы мягкой такой губки, абсолютную открытость миру компенсирующей обязательным процеживанием «необработанного» опыта через сита собственной биографии. На выходе – жёсткий и бескомпромиссный артефакт опыта уже персонального. Это настоящие рокеры-экстремалы, и их никогда не понять бздунливым комсомольцам, которых насадила сегодня номенклатура в гляцевых подтирках вести за собой какие-то там звуковые странички-дорожки про «альтернативных» и не менее мосластых «звёзд».

Именно Костя пытался приобщить Башлачёва к большому року и никогда не оставлял этих попыток. К сожалению, последний так и не понял, чего от него хотят. Однажды меломан-эрудит и один из первых администраторов группы «ДК» Илья Васильев устроил в цитадели московского рока – на эмгзушном биофаке – грандиозное мероприятие с участием «Бригады С» и «Алисы». Партия только ещё репетировала свои секретные приёмчики у вождя Корыта, а потому сейшн то запрещался, то вдруг опять возобновлялся какими-то комсомолоподобными существами. Всех, в принципе, устраивала неразбериха – ну не музыку же пришли, в конце концов, люди слушать: бухла было навалом, Гарик бегал по сцене в огромной кепке и противогазе, плюс невозмутимый любимец всех профессиональных тусовщиц, в последствии более известный как «Серьга», блистал фирменной своей ухмылкой (вы что?! это же сам Га-ла-нин! – прим. уборщ.) и плюс – находившиеся в небольшой растерянности – сразу три (!) фронтмэна Алисы.

Кинчев, Башлачёв и Задерий, конечно же, знатно смотрелись на ступеньках то ли зала, то ли коридора, но...это были Кинчев, Башлачёв и Задерий. И все знатные... по отдельности. Группы не было. Как не было уже и публики. Косте вообще не везло с московской публикой, а тут ещё начался винт. Было заметно, как неуютно чувствует себя Саша в помещении, даже немного превосходящем размеры комнаты. Зато Славе было явно поуху и он твёрдо знал, что сегодня ему обязательно нальют.

Слава был настоящий питерский мэн и, получив известность, он вообще не понимал, зачем устраивать какие-то ещё концерты, когда московские тусовщики и так принимали его с распростёртыми объятиями. Косте же была нужна масса. Саше было нужно сердце. Так была не реализована мечта московских менеджеров о создании грандиозной межрегиональной супергруппы «новой волны».

Да-да, тогда очень много говорили о новой волне. Люди попроще, правда, видели (в основном, по фотографиям, конечно), катающихся на этой волне, обыкновенных пидарасов, и этот красочный образ, к тому же, был усилен газетно-рекламным скандалом 1980-го года с «музыкантами молодёжного вокально-инструментального ансамбля «Аквариум» из славного своими революционными традициями Ленинграда, пытавшихся прямо на сцене (!) совершить гомосексуальный половой акт». Это написала газета «Правда» – орган видных деятелей Партии и Правительства. Разумеется, человеку с улицы трудно было узнать из газет, чем занимаются в свободное время сами видные деятели Партии и Правительства. В конце концов, верные ленинцы только посмеялись и помогли Бобу восстановиться в комсомоле.

Вообще говоря, так называемый советский рок, как и вся советская культура – явление в принципе провинциальное. Хотя тонкие ценители трэша, уверен, вряд ли когда расстанутся с записями «мелодий и ритмов зарубежной эстрады» на русском языке. Эти пластиночки в конвертиках из туалетной бумаги в цветочек – поистине шедевры партийной субкультуры. Не секрет, что и советская рок-музыка развивалась в том же трэшевом ключе. А уж публике, с детства воспитанной на мелодиях и ритмах, уж тем более было наплевать, когда умельцы, скрестив грэнфанков с цепелинами, на выходе получали

солнечноостров-сказкиобман: «Не стоит прогибаться под изменчивый мир – пусть лучше он прогнется под нас!». Афигли?! Это только у нас на К. Площади можно заводить галимый сэконд хэнд при диком стечении народа и высокопоставленных обстоятельств: советский человек привык жить чужой жизнью, и эту чужую жизнь в нём – правильно поёт Кобзон – не отнимешь-неубьешь. Это только у нас можно давать куплетисту хлопать по плечу действующего президента «суверенного» государства и по общенациональному телеканалу пересказывать за пределами далёкие от реальности PR-сказки маргиналов западного шоу-бизнеса.

Вот почему у любого советского музыканта по существу было всего две стратегии самопрезентации(1) и лишь одна-единственная стратегия признания(2): играть чужое или выдавать чужое за своё – раз, и лезть в открытую дверь под псевдонимом «бороться» – два. Любая же попытка создания оригинального артефакта здесь как приравнивалась, так и продолжает приравняться к попытке захвата власти, да и не нужна никому, по справедливости сказать. Но именно здесь, «в справедливости», как раз и спрятан ключ ко многим человеческим трагедиям лучших наших артистов. И здесь абсолютно не годится оценочная пара «возносили-запрещали». Почему? Не известны и не могут быть определены субъекты этой гражданской войны, которая, на самом деле, ведётся всеми против всех. России просто не удалось ещё превратиться из Территории (буквально: страны) в действительно суверенное Государство, граждане которого чётко бы помнили и знали своё собственное Имя.

За последние год-полтора перед своей смертью Башлачёв не написал ни одной песни. Зато нередко пародировал товарищей по цеху, исполняя их зажигательные рокенролы в манере Высоцкого. Удивительно, но целыми поколениями художники, отправлялись в народ, набивали свой рюкзак его, народной правдой-маткой в целотонном ладу «а ля садко» и шли на прием к Его Превосходительству, Народному Архетипу. И вот возвращались они от Него «к нам» (если возвращались, конечно) с... галимо-урловой пентатоникой про абсолютно нереальное житие какого-нибудь урки-фантомаса. И весь гоп-стоп – от первого лица.

Шпенглер, глядя на провинциальную архитектуру Геополитического Пространства, говорил, что население здесь как будто пытается зарыться глубоко в землю. Так и мелодические линии блатняка строятся по нисходящей, «угрожающе», отражая, по сути, интонационные обороты примитивной лексики этих больших короткоостриженных младенцев. Оглядываясь назад, можно только удивляться количеству известных рок-персонажей, скатившихся, в конце концов, к этому убогому, но красноречиво популярному рускошонсону малых сих. Именно на светлое будущее подобного рода, видимо, и указывают руки многочисленных копий Доброго Дедушки Ленина, воистину ритмически расставленных по всем городам и весям нашей огромной страны.

Братья легендарного Ордена R&C утверждали, что не столько человек смотрит на мир, сколько мир – на него, и не просто видит, а находит в этом человеке своё отражение. Это очень глубокая мысль. Смотрящие на мир инвалиды, разрушают мир. Поэтому, чтобы изменить мир, надо в первую очередь начать менять самого себя. А чтобы научиться менять себя, надо научиться видеть себя таким, каков ты есть и не верить зеркалу. Что такое «трагедия»? Это разбитое вдребезги зеркало. Адекватно понять бэкграунд русского рока и сделать для себя персональные выводы – трагедия. Но подлинная трагедия как раз и рождается из духа музыки, из видения гравитационной силы, из ощущения вкуса того самого метафорического яблока, на которое намекал Ньютон. Но свинцовый цеппелин может, а значит, должен взлететь! Но вряд ли он сможет самостоятельно приземлиться – яблоко гравитации снова потянет его на новую спираль познания, которая в очередной раз выйдет из «нуля», снова пройдя через абсолютную темноту Инферно: «Заря рождается во мраке Ночи». Многих, понявших сию фундаментальную формулу, Материя растворила уже в собственном лоне, как и нашего героя, возжелавшего самостоятельно избавиться от бремени колокольчиков и на самом себе испытать мощь Её гравитации. И Башлачёв, очевидно, увы, не последний – в этом списке, подавших заявление на вертикальную эмиграцию...

Башлачёв пришёл и ушёл. Так, кстати, называется один из любопытнейших рассказов Александра Грина. В собственном мифе он прожил всего лишь три с половиной года. Но на пути к Абсолюту нельзя оставлять космос разделённым пополам и смириться с тем, что камень нельзя заставить говорить. Башлачёв смирился. А зря. Давшие Ивану имя не должны требовать от него памяти на родство. Это их проблема, это их обязанность.

Для Специального радио. Декабрь 2003.